

КАРМЕН АГРА ДИДИ

РЭНДАЛЛ РАЙТ

Чеширский сырный кот

Рождественская сказка в духе

Чарльз
Диккенс

Иллюстрации
БАРРИ МОЗЕРА

★ КНИГИ
Вилли
Винки

Рэндалл Райт
Кармен Агра Диди
Чеширский сырный кот
Серия «Книжка под ёлку»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48478119
Чеширский сырный кот: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-117794-2

Аннотация

Кот Ловкач мечтает изменить свою кошачью жизнь и променять сырые переулки Лондона на тёплый угол в старом английском пабе, завсегдатай которого – писатель Чарльз Диккенс. Ловкач заключает сделку с умным мышонком по имени Пип. Он будет защищать мышей, живущих в подвале трактира, а мыши обеспечат его едой. Но сработает ли уговор, когда в пабе появится Щёлкни, противный котяра и гроза Флит-стрит?

Иллюстрации к «Чеширскому сырному коту» создал Барри Мозер – известный американский художник. Его иллюстрации к «Моби Дику», а также гравюры к «Алисе в Стране чудес» и «Алисе в Зазеркалье» признаны шедевром мировой книжной иллюстрации.

Содержание

Действующие лица в порядке появления	9
Глава первая	11
Глава вторая	17
Глава третья	20
Глава четвёртая	25
Глава пятая	27
Глава шестая	29
Глава седьмая	34
Глава восьмая	41
Глава девятая	45
Глава десятая	47
Глава одиннадцатая	53
Глава двенадцатая	57
Глава тринадцатая	65
Глава четырнадцатая	67
Глава пятнадцатая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

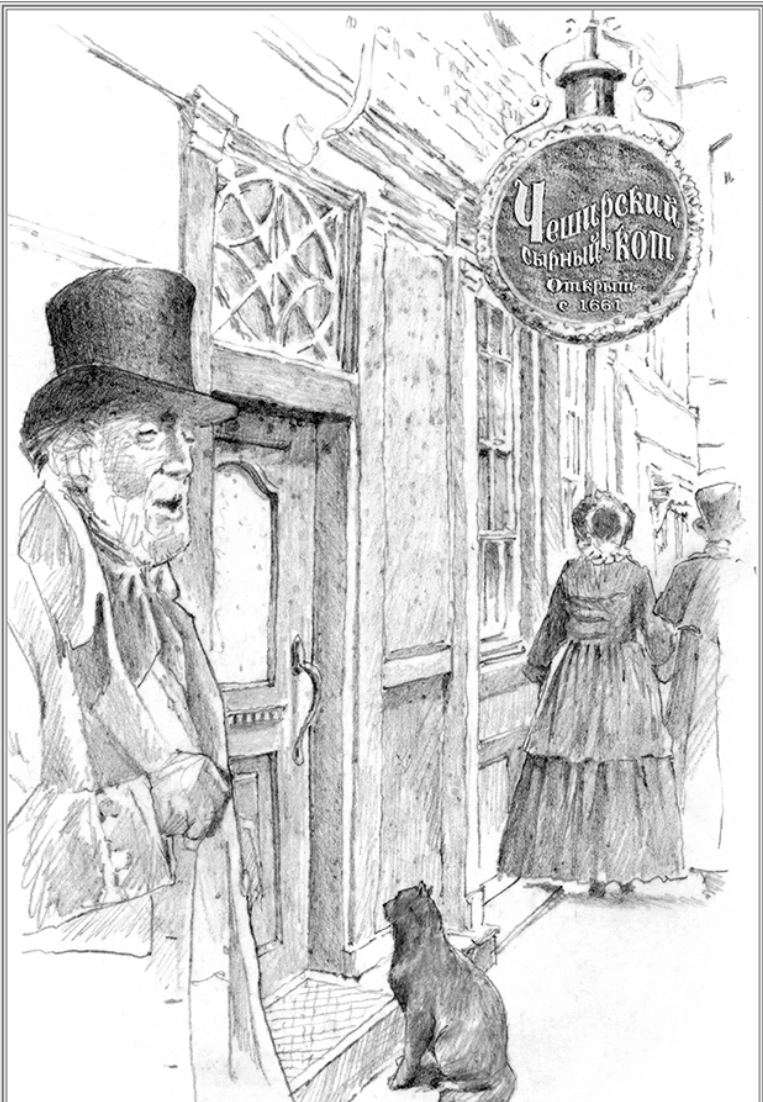
Кармен Диди, Рэндалл Райт
Чеширский сырный кот
Рождественская сказка
в духе Чарльза Диккенса

© Цатрян В. Г., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Моей блистательной внучке Руби Рэббит.
– К. Д.

Доне, моей заре и радости.
– Р. Р.

Моей подруге Хелен Кейси-Бразо и её мисс Бэйли.
– Б. М.

Авторы признательны всем тем, кто помог этой книге быть изданной:

- Нашим дорогим супругам, *Джону* и *Доне*, за их терпение, советы и щедрое угощение.

- Нашему другу *Рону Байер-Фоксу* за то, что помог двум самонадеянным янки не забрести в непролазные дебри. Любые ошибки, которые вы найдёте в книге, целиком на нашей совести.

- Настоящему мастеру слова *Рику Уортону*, который помог нам почувствовать неповторимую интонацию *Чарльза Диккенса*.

- Нашим великолепным редакторам *Вики Холифилд* и *Маргарет Куинлин*.

- Другьям, великодушно согласившимся прочитать и прокомментировать рукопись: *Терси Бендибург*, *Пауле Лепп*, *Сьюзен Рапанорт*, *Ди Норс* и *Биллу Харли*.

- *Старшему Вороньему Надзирателю лондонского Тауэра* – за ни с чем не сравнимое погружение в мир воронов.

- Библиотеке города Декейтер, Иллинойс, и её сотрудникам за их знания и советы.

- И «Старому чеширскому сыру», разумеется, за вдохновение, которое подарил нам туманной лондонской ночью в 2002-м году, в компании с *Кейт, Эрин и Лорен*.

Действующие лица в порядке появления

ЛОВКАЧ – выдавший виды уличный кот с постыдными тайнами и сомнительным прошлым.

ЩЁЛКНИ – невообразимо жестокий злодей, сущее наказание для Ловкача.

«СТАРЫЙ ЧЕШИРСКИЙ СЫР» – почтенный паб, светский лев среди лондонских пабов. На протяжении веков пользовался популярностью у писателей и любителей словесности, таких как Чарльз Диккенс, Сэмюэл Джонсон, Марк Твен и Артур Конан Дойл. И у котов. Помните о ко-тах...

ПИП – мышь из «Старого чеширского сыра». Хранит немало тайн.

НЕЛЛ – дочь трактирщика, обожает животных и страдает от непонимания.

КРУМС – темпераментная повариха, чьи сыры широко известны. Часто бывает не в духе.

МИСТЕР ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС – популярный писатель, завсегдатой трактира.

ГЕНРИ – тучный трактирщик. Отчаянно борется за освобождение трактира от мышей-сырокрадов.

АДЕЛЬ – буфетчица, зануда и мышененавистница.

МАЛДУИН – *гордое создание, обитающее на трактирном чердаке. Во многом его стараниями королевство ещё существует.*

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ – *вы ведь не ждёте описания, правда?*

Глава первая

Эта история произошла аккурат под Рождество – время, когда свет берёт верх над тьмой, тучи в конце концов расступаются и случается волшебство, которого все так давно ждали.

Он был лучшим из всех котов. Он был худшим из всех котов.

Быстроногий, хитрый и одинокий, Ловкач был Котом с большой буквы. Или мог быть котом, если б не секрет, который ему приходилось скрывать с ранних лет. Секрет, вынуждавший его жить с потаённым чувством стыда, избегать приятельских отношений из страха, что кто-нибудь может прознать...

– А ну, брысь!

Из лондонского холода и тумана появилась тяжёлая метла. Но Ловкач успел отпрыгнуть в сторону, и метла лишь рассекла пустой воздух.

Кот, однако, отказывался уходить. Он переводил взгляд с рыбины на метлу, высчитывая расстояние между ними.

– Брысь отсюда, облезлый ворюга! – завизжала рыбная торговка. Как будто читая его мысли, она бросила рыбу под прилавок и подняла метлу для решающего удара.

Любая женщина, вооружённая метлой, была ему неприятна. Хуже встречи и представить трудно, если не считать

столкновения с Щёлкни – котярой, наводившим ужас на всю Флит-стрит.

Взмахнув кривым хвостом, Ловкач повернулся спиной к торговке и пошёл неторопливо, враскачку, всем своим видом выражая презрение. Но, лишь только завернув за угол, он припустил по переулку быстрее, чем стрела, стремительней проклятья.

Когда квартал остался позади, кот остановился среди старых знакомых булыжников, осмотрелся, и на душе у него стало светлее. Согнувшись над огнём, на перекрёстке сидела старуха, продающая жареные каштаны («горсть за грош, горсть за грош»). В нескольких шагах от неё сидел мальчик, продававший сидр с пряностями. Ниже по улице песня старьевщика смешивалась с треском экипажей и шелестом пешеходов.

«Ах, *Флит-стрит!*» – подумал Ловкач.

Во всём Лондоне не сыскать изысканнее блюд и напитков, чем здесь. Во всём Лондоне не отыщется для бродяги лучше места, чем Флит-стрит. За небольшим зданием суда здесь находится паб, популярный среди лондонских писателей, – «Старый чеширский сыр».

Ловкач взгляделся в тонкую пелену тумана. Деревянная вывеска трактира раскачивалась на декабрьском ветру. Ловкач, дрожа, с тоской глядел в направлении уютного местечка.

«*Должен быть способ туда попасть*», – думал он.

– Что бы ты там ни думал – не советую, – услышал Ловкач

знакомое рычание.

– А, Щёлкни! – произнёс Кот самым вежливым тоном. Внутри у него всё сжалось. – Славного тебе денёчка.

Хладнокровный и непредсказуемый, Щёлкни был не тем котом, с которым хочется шутить.

– Держи при себе свои фразочки. – Его глаза сузились, а рыжая полосатая шкура на спине встала дыбом. – Послушай моего совета: держись подальше от «Сыра».

– От «Сыра»? – спросил Ловкач не моргая. – С чего бы?

– Мыши, – сказал Щёлкни.

– Мыши? – Глаза Ловкача расширились. Он был сама невинность.

– Ага, мыши. В трактире их до чёрта.

– А-а-а...

– Самый большой «Сыр» в Англии, так они говорят. А где есть сыр, там и мышей полно, – довольно вздохнул Щёлкни. – Жирных и сочных. Пухлых и круглых, молодых и... нежных.

Он повёл носом, как будто почувствовал запах свеженьких мышат.

– Полно мышей, ты сказал? – перебил его Ловкач.

– Это *моя* берлога. Держись от неё подальше. Ловкач уселся и принялся вылизывать лапу, напустив на себя безразличный вид. Для пущей убедительности почесал за ухом.

– Не знал, что у тебя есть берлога, Щёлкни.

– Есть. И она там.

– Странно это, – сказал Ловкач. – Уютный трактир – твоя нора, а ты сидишь на обледенелых камнях и проводишь день с такими, как я.

– Очень скоро он станет моим домом, вот увидишь.

Мыши сожрут это местечко, если его хозяин не найдёт настоящего охотника на грызунов.

– «Сыру» требуется охотник? – переспросил Ловкач, с трудом скрывая волнение. Перед ним забрезжили чудесные перспективы.

– Да, и это я. Вздумаешь перейти мне дорогу или помочь, останешься без...

Но Ловкач потерял нить разговора. Охотник, да? В его голове начал складываться план – такой простой, что удивительно, как он не был придуман раньше. Довольно быстро он обрастал подробностями. Взмахнув хвостом, Ловкач сказал:

– Ты настоящий кот, Щёлкни. Спасибо тебе.

– За что? – огрызнулся рыжий кот. – Что я сделал?

Ловкач не ответил. Он уже был поглощён планом, столь смелым, столь дерзким и коварным, что позволит ему обеспечить себя до конца всех девяти жизней.

Глава вторая

Кот...

Кот...

Кот...

Кот...

Кот...

Кот...

– Что я слышу!

– Пип, о чём они там говорят?

– Шшшшш, – Пип подняла крошечную лапку и прижала её ко рту. Мыши нехотя умолкли.

Пип закрыла глаза и приложила нежное пушистое ухо к тонкой стенке, отделявшей её от общего зала в «Старом чеширском сыре». К её разочарованию, стенка оказалась не такой уж и тонкой. Она могла уловить лишь слово-другое, из-за чего было затруднительно – даже для неё – понять, о чём говорят люди.

Понимать людей она научилась в ту пору, когда жила в кармане у Нелл, дочери трактирщика.

Пип напряжённо вслушивалась, мысленно вернувшись в те чёрные дни, когда вся её семья, включая пятерых братьев и сестёр, была жестоко убита рукой неизвестного. Впрочем, Пип не сомневалась, что это была *Крумс, повариха*. Именно ей принадлежал нож, найденный рядом с местом преступле-

ния, кому же ещё?

Из всей семьи уцелела одна только Пип. Видимо, её просто не заметили, потому что та была очень мала. Нелл услышала её писк и спасла от кровавой расправы. От злости девочка глубоко и прерывисто дышала, поднимаясь по лестнице всё выше и выше, – трактир крутился, поднимался – чуть ли не к самым звёздам.

Остановилась она лишь тогда, когда оказалась на чердаке, а значит, в безопасности. Держа перепуганное маленькое существо на ладони одной руки, второй она искала сумку из овечьей шерсти. Нелл оторвала небольшое облачко от неё, засунула поглубже в карман передника и затем нежно, аккуратно поместила Пип в её новое убежище.

Нелл тоже потеряла мать. Её никто не убивал, нет. Разве что убийцей можно считать незаметную быстротечную болезнь, которая унесла её, не оставив даже возможности сказать последнее слово. Мама умерла молодой, во сне. Просто закрыла глаза и больше никогда не открывала, как принцесса из старой сказки. У Нелл и её отца осталось чувство, будто мама на самом деле не ушла и они могут случайно столкнуться с ней на лестнице.

Каждый, кто знал Нелл, мог с уверенностью сказать, что с того дня девочка изменилась. Её удостаивали разных эпитетов. Общий их смысл был таков, что Нелл не в себе, немного того, тронулась, повредила умом.

Была ли Нелл здоровой, безумной или у неё просто боле-

ла душа, но маленькая мышка нашла в осиротевшей девочке друга. Заглядывая в карман, Нелл осторожно касалась пушистой спинки и приговаривала: «Спи. Никто не тронет тебя, пока ты *со мной*».

И глотала слёзы.

Это был худший день в жизни Пип, это был лучший день в жизни Пип.

Это был другой день, а сейчас, утихомирив наконец других мышей, чтобы услышать, что происходит за стеной, она различила гроыхающий голос трактирщика, который произнёс зловещее слово...

Кот.

Глава третья

Когда Ловкач попрощался с Щёлкни и, напустив на себя безразличный вид (на случай, если за ним следят), затерялся в толпе, петляя между ног прохожих, он привёл свой план в действие. Прыжок, молниеносный забег – и кот оказался у не приметной двери «Старого чеширского сыра». Не у чёрного входа, где ежедневно копятся ароматные рыбные кости и остатки пудинга, и где наверняка Щёлкни с другими бездомными котами соберутся сейчас на ужин. Нет. Ловкач направился прямёхонько к парадному входу. Немыслимая дерзость.

Но перед дверью его настигло сомнение – не в самом плане, а в возможности его исполнения. Идеальный план был идеально разрушен... дверью.

Только не это!

Ловкач ненавидел двери.

Он отступил на пару шагов в раздумье.

Он посмотрел на свою правую лапу.

Затем на левую.

Затем на круглую дверную ручку. И тут, будто бы отвечая его мольбам, из тумана появилась рука в перчатке и открыла дверь.

– Добрый вечер, мистер Мур, – произнёс обладатель руки. Голос его был раскатистым и басил не хуже большого органа

в соборе Святого Павла.

Проигнорировав приветствие, Ловкач шмыгнул внутрь. Мужчина и его спутник последовали за котом.

– Кусок сыра и буханку хлеба, Генри, – крикнул мужчина хозяину. – Мистер Коллинз сегодня чертовски голоден.

Он извлёк обшитую кожей записную книжку из кармана пальто и положил на стол.

– Кто это с вами? – спросил Генри.

– Вы ведь знакомы с Уилки*. Он только что закончил работу, которая взбудоражит Лондон. Она о призраке женщины в белом...

– Писатели, – вздохнул Генри. – Нет, я имел в виду: почему *этот* здесь?

Хозяин трактира кивнул в сторону кота.

Когда все оглянулись на Ловкача, тот ответил им самым свирепым взглядом, на какой только был способен.

– Ещё один постоянный посетитель «Сыра», – со смехом сказал мистер Коллинз, отвесив поклон Ловкачу. – Принесите ему лучший кусочек, Генри.

Обладатель музыкального голоса снял шляпу, плащ и повесил их на крючок.

– Возможно, он наслышан о твоих бедах и желает предложить свою кандидатуру в качестве ловца крыс. Он выглядит достаточно свирепо, чтобы справиться с этой работёнкой.

Слова человека звучали серьёзно, но тон его, казалось, был шутливым.

«Надо бы приглядывать за этим», – подумал Ловкач.

– Ловца мышей, сэр, – заметил Генри полушёпотом. – Простите, сэр, но в «Сыре» нет крыс, хвала Всевышнему! Вполне хватает маленькой мышки, чтобы довести Адель до истерики, а мою бедную маленькую Нелл чуть ли не свести с ума. С тех пор как Крумс стала нашим поваром десять зим тому назад, «Чеширский сыр» преобразился, и каждая мышь, пронюхавшая об этом, считает своей обязанностью прийти и потребовать долю.

Генри вздохнул с досадой.

– Что ж, ловец мышей, давай знакомиться.

Трактирщик подался вперёд, упёрся руками в колени и принялся осматривать Ловкача с пристрастием. Лондонские переулки, доки и сточные канавы довольно грубо обходились с молодым котом. Коварные, непредсказуемо виляющие двуколки*, горшки с цветами и неизбежные мётлы рыбных торговкок наградили его рваным ухом, множеством царапин и узором из шрамов. Довершал картину крючковатый хвост: казалось, что кто-то однажды сломал его, но с какой целью, неясно.

– Настоящий кровожадный котяра, – произнёс наконец Генри. – Но сможет ли он ловить мышей, мистер Диккенс?

Великий писатель, однако, не слушал его. Он уселся в углу и, достав блокнот, энергично записывал что-то – записывал и вычёркивал, записывал и вычёркивал, не обращая ни малейшего внимания на происходящее вокруг.

– Оставьте его, – кивнул в сторону друга мистер Коллинз. – Он в порядке. Говорит, что никогда больше не будет писать.

– Что? Никогда не будет писать?

– Всё из-за того, что у него нет завязки, – ответил мистер Коллинз. – Скоро выйдет первый номер его нового журнала, а бедный Чарльз не может найти подходящее начало для повести*. А что до кота, то я могу только посочувствовать вашим мышам, Генри. Конечно, если по внешнему виду этого плута можно о чём-то судить.

Ловкач наградил мистера Коллинза грозным рычанием.

* * *

А по другую сторону стены через тонкую трещину дымчато-серая мышь с возрастающей тревогой наблюдала за происходящим и слушала.

Ч. Диккенс

Это был по-настоящему ужасный день

Времена были жестокие

жуткие

страшные

*Это был худший день, какой миру доводилось
видеть...*

Что со мной не так? Почему я не могу написать начало нового рассказа?

Я в «Старом чеширском сыре» со своим другом Уилки. С нетерпением жду приятного вечера, но мой словарный запас иссяк, и я могу только отчаиваться. Если бы я только мог найти правильные слова так же непринуждённо, как Генри нашёл кота для своих мышей...

*Думаю, мне остаётся только прыгнуть в Темзу.
Или стать фонарищиком, а может трубочистом.
Кем угодно, но только не писателем.*

Глава четвёртая

Пип облизала лапу,
пригладила ухо,
облизала лапу,
почистила шерсть,
облизала лапу...

Умывание обычно помогает сосредоточиться.

Ситуация будет развиваться быстро. Так, она однажды видела, развилась нитка на шали. Красивой шёлковой шали, которая лежала на плечах элегантной леди, вылетевшей из обеденной комнаты наверху. Пробегая через общую залу на первом этаже, она зацепила шалью какой-то гвоздь, в незапамятные времена вбитый рабочим, прикреплявшим плинтус. Пип зачарованно наблюдала, как нитка цвета индиго* тянется за женщиной наружу, из трактира во двор, за угол.

В точности такое же чувство испытываешь при встрече с котом.

Всё развивается, распускается, исчезает.

«Мы пережили два пожара, бесчисленных монархов, чуму, – успокоила она себя. – Переживём и кота. *Но что мы будем делать с Малдуином?*»

Она украдкой заглянула в трещину между кирпичами. Кот определённо выглядел опасным, но было в его глазах что-то, озадачившее Пип, неуловимый намёк, чудинка.

Впрочем, сейчас у неё не было времени на загадки.

Пришло время действовать.

Не теряя ни минуты, она поспешила к остальным: пора созывать мышиный совет. Нет, нужно объявить сбор всех мышей! Пип должна подать старинный сигнал. Самый короткий путь лежал под ногами двух посетителей, которые только что приступили к ужину, состоящему из хлеба, сыра и солений.

Поймав дух Чешира, тонкие ноздри Пип предали её: она замедлилась на одно мгновение. И оно стало для неё роковым.

Глава пятая

Ловкач осмотрелся: вокруг люди, еда и мышь. Как при-
рождённый хищник, он терпеливо ждал.

Не сейчас.

Выжди.

Ещё немного.

Совсем скоро.

Самое главное, чтобы трактирщик видел тебя.

Он застыл, как сфинкс. И раз – идеальный прыжок – оп-
ля!

– Ох, гляньте-ка все! – закричала взволнованно буфетчи-
ца Адель. – Эй, он словил его! Вот это да! Каков ловкач!

– Кого? Кто? – спросил трактирщик, который всё-таки всё
проглядел.

– Глупую мышь! Кот этот! – буфетчица весело захлопала
в ладоши и даже подпрыгнула пару раз от радости.

– О, – сказал мистер Коллинз, расправляясь с куском сы-
ра, – отличная работа.

Генри огляделся, сбитый криком с толку.

Ловкач важно прошёл через комнату, выставив напоказ
болтавшийся во рту мышиный хвост, чтобы все вокруг об-
ратили на него внимание.

– Похоже, вы нашли хорошего охотника, – сказал мистер
Диккенс.

Наконец до Генри дошло. Раскачиваясь на кривых ногах вперёд и назад, он усмехнулся:

– Пожалуй, так, мистер Диккенс, сэр, пожалуй, так.

Глава шестая

Темно и сыро.

И, ай, какие острые зубы!

Пойманное, но ещё живое сердце Пип колотилось.

Инстинктивно мышь следовала последней отчаянной стратегии слабых. Она притворялась мёртвой.

«Но... чем это пахнет?»

Не время сейчас об этом думать. Пип заставляла своё тело оставаться вялым, несмотря на опасность быть проглоченной.

Кот прыгнул.

Приземлился.

И, судя по всему, направился куда-то вниз.

Её мучитель хочет спрятать её – но где? Под лестницей?

Но так же внезапно, как поймали, Пип выплюнули на каменный пол.

Она лежала неподвижно, продолжая разыгрывать из себя мёртвую.

Кот подтолкнул её.

«Если ты решил съесть меня, – подумала Пип, – то зачем затевать эти игры?»

Она и прежде слышала об этой ужасной игре: поймай, освободи, толкни, ударь, сломай кости, пусть попробует сбежать, последний вздох... Пип неожиданно замутило от этой

мысли.

Быстрая смерть казалась ей милосердием. О нём она сейчас мечтала.

Ещё одно прикосновение.

Лёгкий толчок.

Но не острые когти к ней прикасались, а мягкие лапы. Она позволила себе приоткрыть один глаз. И тут же захлопнула, потому что вплотную увидела зверя.

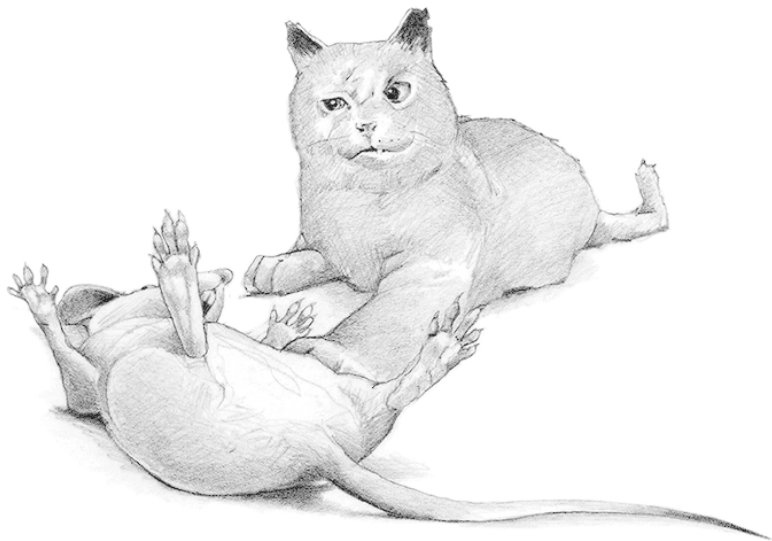
– Беги, – прошептал кот. – Если тебя увидит трактирщик или, того хуже, эта ужасная женщина, я окажусь на улице...

Пип с уверенностью подумала, что под ужасной женщиной он имеет в виду повариху Крумс.

– Что с тобой не так? – прошипел кот. – Почему ты не убегаешь?

В этот раз удар уже был не таким мягким.

– Что *со мной* не так? – спросила Пип, по-прежнему не открывая глаз. – Я веду себя, как и должна в этой ситуации. Это что *с тобой* не так?

– Со мной? Со мной ничего. Вставай и беги отсюда, – его слова прозвучали скорее как просьба, чем как приказ.

Пип уселась и с любопытством посмотрела на своего захватчика.

– Ты не собираешься есть меня, так что ли?

Это было не слишком правдоподобно. С тех пор как она впервые увидела голубого кота, у неё стало возникать смутное подозрение. Понимание собиралось по крупичкам, которых было слишком мало для того, чтобы удовлетворить даже мышинный аппетит.

Она поднялась на лапы.

Этот парень выглядел как обычный представитель семейства кошачьих, но с ним всё было не так. Пип чувствовала это. И, чёрт побери, чем это пахло?

– Ты... не... ешь... мышей? – догадалась Пип.

– Не ем, – отрезал кот и, не в состоянии скрыть нетерпение, добавил: – А теперь, будь так добра, беги отсюда.

– Ты не ешь мышей, – повторила Пип, потирая лапки. Головоломка была очень занимательной, а ведь она их так любила.

– Именно... так... я... и... сказал, – произнёс кот каждое слово так, будто мышь была туга на ухо.

– Но... но почему?

– Потому что, собирательница крошек, когда я представляю крохотные коготки, царапающие мой язык, и резиновый хвост, болтающийся у меня в глотке, то чувствую отвращение. Достаточно тебе?

– Вполне, – согласилась Пип. – Но если ты не ешь мышей, тогда зачем ты здесь, в «Чеширском сыре», и что ты?..

Опять этот запах. Он сбивает с толку.

Может ли это быть?..

Неправдоподобная, невозможная мысль зазвенела, как колокольчик, в её голове.

«Есть только один способ узнать наверняка», – подумала Пип.

И поспешила к ближайшей полке.

– Иди сюда, – произнесла Пип своим лучшим командным

голосом, приберегаемым для выступлений на мышинном совете.

Представьте себе мышь, посмевавшую так разговаривать с котом. Ловкач наверняка был оскорблён. Но любопытство, обращавшее в прах столь многие его начинания, пересилило.

– Ну вот он я, – произнёс кот и подался вперёд для обследования.

– Ближе, – скомандовала Пип.

Она наклонилась к коту так близко, что её усы защекотали кошачий нос. Ловкач скосил глаза, поморщился и от всей души чихнул.

Порыв ветра из его носа был такой силы, что Пип с трудом усидела на месте. Внимательно, изумлённо посмотрев на кота, она ощутила правду всем телом.

– Сыр! – воскликнула мышь.

Глава седьмая

Ловкач моргнул. Повисло молчание. Ему вдруг стало холодно, потом тепло, потом жарко – от стыда.

– Какая умная мышь, – приторно замурлыкал он.

– У меня есть имя, – ответила Пип, игнорируя угрожающий тон. И, как ни в чём не бывало, стала сушить промокший мех.

– Что? – Ловкач засмеялся от изумления. Имя? Абсурд какой! Для большинства котов мышь была всего лишь едой, а, по мнению Ловкача, отвратительным куском мяса, хотя и съедобным.

– У меня есть имя, – повторила мышь. – Меня зовут Пип.

– Что это за имя такое? – фыркнул Ловкач. – Это какое-то сокращение?

– Да, это сокращение от имени Пип. И оно пипходит мне. А как тебя зовут?

Теперь Ловкач глядел на мышь с любопытством.

– Ты понимаешь, что я всё ещё могу тебя съесть? – спросил он задумчиво. Впрочем, по тому, как он это произнёс, было ясно, что кот не переваривает ни мышей в качестве пищи, ни даже разговоров о подобных трапезах.

– Да, я уверена, что ты можешь, но не думаю, что станешь. Мы оба знаем, что ты не ешь мышей. Ты любишь сыр.

– Но... но откуда ты узнала?

– Как-никак, я различаю запахи. А ты пропитан сырным запахом с лап до ушей. Поначалу я не могла понять, откуда он. Кот, пахнувший сыром, – это было слишком неожиданно.

– А другие тоже могут его учуять? – спросил Ловкач, с тревогой вспомнив о Щёлкни.

– Ну, он очень слабый. Думаю, ты не ел сыра... с прошлого Рождества.

Ловкач изумлённо посмотрел на мышь.

– Как ты смогла понять это?

– У мышей в «Старом чеширском сыре» очень тонкий нюх, когда речь заходит о сыре. Не волнуйся. Ни одна благоразумная мышь не станет возражать против кота-сыроеда.

Ловкач сел, боясь, что упадёт в обморок от радости. *Кот-сыроед*. Он никогда прежде не слышал, чтобы эти слова проносили вслух. Никогда. Даже он сам.

– Всё в порядке? – пискнула Пип.

– Ты права, я *люблю* сыр.

Признавшись, Ловкач испытал удивительное чувство. На протяжении долгих лет он разыгрывал роль скандального, нахального уличного кота, и теперь эта маска была сдёрнута мелким грызуном, обнажившим всю его суть. Он вынужден был признать, что никогда в полной мере не чувствовал себя котом.

– Вообще-то я *обожаю* сыр, – поправил себя он.

– А кто не обожает? – пропищала Пип.

– Ты думаешь, что это... нормально?

– Знаешь ли, ты разговариваешь с мышью, – ответила Пип сухо. – Я не могу представить, как можно не любить сыр.

Она погладила животик и улыбнулась Ловкачу:

– А что до кота, любящего сыр... Что ж, у всех у нас есть секреты.

Ловкач вопросительно взглянул на неё:

– И у тебя?

– Знаешь, мы ещё недостаточно подружились для таких откровений.

– Подружились? – насупился Ловкач.

– Конечно. Если кто-то обладает достаточной толерантностью для того, чтобы хранить твои тёмные тайны, и ничего не просит взамен, ты можешь с уверенностью считать его... э-э-э... не врагом.

– Достаточной такти... – начал Ловкач.

– Именно. Когда дело касается секретов, я мавзолей.

– Мавзо?...

– Место постоянного захоронения, – объяснила Пип.

Кот недоумённо уставился на неё.

– Склеп, гроб, могила – постаралась помочь ему Пип.

– Почему ты сразу не сказала МОГИЛА, – раздражённо воскликнул Ловкач.

– Но почему я должна говорить «могила», – Пип закатила глаза, – когда можно сказать «*мав-зо-лей*»?

Она произнесла это слово так, будто каждый его слог был сделан из первосортного сыра.

Голова Ловкача затрещала. Он помотал ею:

– Откуда ты знаешь такие странные слова?

– Эту историю я расскажу тебе в другой день, – сказаламышь. Она широко улыбнулась, обнажив свои зубы, невероятно кривые даже для мыши. На этот раз усы Ловкача дёрнулись от усмешки.

– Теперь, – продолжила Пип, – больше никаких игр в кошки-мышки. Я знаю, зачем ты пришёл в «Старый чеширский сыр». Но ты ни в жизни не получишь ни крошки здешнего превосходного сыра без нашей помощи.

– Вашей помощи? – фыркнул Ловкач.

– Ты уличный кот. Ты ничего не знаешь о замках и ключах, – сказала Пип.

– *О замках и ключах?* – тут Пип была права. Ловкач знал всё об этих дьявольских устройствах, но какое отношение они имели к сыру, он не понял.

– Не понимаю, – сказал он.

– Сыр изготавливает Крумс со своей сестрой на небольшой маслодельне на Финсбери-парк. Но хранится он здесь, в погребе прямо под нами. Это самая старая часть паба и самая холодная. Холод помогает сыру долго оставаться изумительно свежим.

– Чего же мы тогда ждём? – Ловкач уже было бросился к лестнице. Как и предположила Пип, всё, что перепало коту на улице последнее время, это обрезки, которые он нашёл в забытых переулках.

– Чеширский сыр хранят за большой дверью, запертой на замок, а ключи у поварихи. Мы никак не сможем их использовать.

– Но как мы тогда его достанем? – в нетерпении вымолвил Ловкач.

– У нас, у мышей, есть тайный ход сквозь камни и штукатурку. Боюсь, что он слишком узкий для тебя. А дверь открыта, только когда Крумс её отпирает.

– Ненавижу двери, – пробормотал Ловкач.

– Как интересно, – сказала Пип. – Почему именно двери?

– Давай тоже прибережём эту историю для другого дня.

– Справедливо. Кстати, кот, ты до сих пор не сказал мне своего имени.

– Ловкач.

– Для меня честь познакомиться с тобой, Ловкач. Генри получил охотника. А для нас лучше всего, если кот будет предпочитать сыр. Можно ли заключить более выгодную сделку? Для всех нас.

При слове «сделка» в глазах Ловкача вспыхнуло вдохновение:

– Ты имеешь в виду обмен... нуу... услугами?

– Именно так. Если ты согласишься защищать нас, в награду каждую ночь будешь получать лучший сыр королевства, – Пип одарила кота своей неповторимой улыбкой.

– Мне придётся ловить кого-то из вас, – предупредил Ловкач деловито.

Пип пристально посмотрела на него:

– И оставлять нас невредимыми, верно?

– Ты всё ещё допускаешь, что я могу вас съесть? Уф. Я исключительно сырный кот.

– Эй, кот! Ты куда запропал? – голос трактирщика загромыхал на лестнице.

– Теперь-то ты убежишь? – взмолился Ловкач.

– Конечно, – Пип усмехнулась, прыгнула на голову Ловкача, сбегала по спине и помчалась по полу. Перед тем как исчезнуть в щели, она назвала место и время встречи. – Погреб. Полночь. Мы принесём сыр.

– Где? – переспросил Ловкач.

– Погреб. Доверься своему носу, – повторила Пип, исчезая.

Когда хозяин нашёл Ловкача и увидел, с каким остервенением тот вылизывается, пытаясь избавиться от запаха сыра, он сказал:

– Вкусная была? Что ж, мой дорогой охотник, там, откуда прибежала эта мышь, ещё много таких.

Ч. Диккенс

*напёрсточник**

молошко

*фанфарон**

*баламут**

малец
зыркать
облапошенный*

Я записал эти фантастические слова нынешним утром, пока стоял на углу у «Кафе Рояль» и слушал уличных торговцев. Я записал их быстро, чтобы не стёрлись из памяти.

Больше ничего ценного: кот из «Чеширского сыра» завладел моей фантазией. Шерсть у него красивого голубого оттенка, да и хвост очень забавный. Он кажется очень грубым. Но во мне как будто бы просыпается писатель. Я вижу: этот парень прячет что-то за сеткой ирамов и важной походкой. Разве он brutalен? Определённо, он старается казаться таким – как и Сидни Картон, герой моей нынешней истории.

Четыре бессонные ночи, и у меня нет начала.

Я ещё не прыгнул в Темзу.

Впрочем, сегодня только вторник.

Глава восьмая

«Я в жизни не смогу убедить их довериться коту, – думала Пип. – Особенно после того, что случилось с Малдуином».

Мыши, обитающие в «Старом чеширском сыре», собрались на затхлом чердаке. Пип забралась на верхушку деревянного манекена в углу комнаты и оглядела сцену перед собой. Всего лишь четверть часа прошла с тех пор, как она подала сигнал. Пип сделала так, чтобы газовое освещение в доме мигнуло.

Дважды.

Это был старый код, придуманный и разработанный одной мышью-основательницей, имя которой было давно забыто. Одна вспышка созывает мышиный совет. Две объявляют о всеобщем мышином сборе. Три – что ж, хвала Провидению, к такой чрезвычайной мере прибегать на памяти Пип не приходилось.

Мыши, собравшиеся по зову Пип, спешили по трубам, карабкались по верёвкам, бежали по старым тропкам за штукатуркой в стене. Казалось, будто чердак ожил, в каждом уголке бурлило движение. Зеркала, и лампы, и сундуки, и трубы – всё исчезало под дрожащим, волнуемым потоком бегущих мышей.

Тысячи мышей.

Все они сгрудились в помещении, способном вместить лишь четверть от их числа. Даже на двух настенных фонарях разместилось около сотни молодых и особенно ловких мышей.

Пип облизала лапу...

Потёрла нос...

Облизала лапу...

На памяти Пип лишь однажды происходило подобное собрание. Причиной разбирательства тогда тоже было появление нежданного гостя. Пип отбросила эти мысли в сторону. К худшему или к лучшему, но та проблема была разрешена. Сейчас перед ней была другая сложная задача.

Пип заметила, что даже те, кто опоздали на сбор просушили головы и носы в трещины на потолке.

Настало время призвать собравшихся к порядку. Она подняла переднюю лапу. На ней лежал кусок сыра, сияющий, как слиток золота. Медленным движением, поводя из стороны в сторону, Пип продемонстрировала его изгибавшимся, качавшимся мышам и посмотрела сверху на десять тысяч пар зачарованных глаз.

«Назвалась груздем – полезай в кузов», – подумала Пип.

Она вздохнула так глубоко, насколько позволяли мышечные лёгкие, и начала:

– Мои уважаемые друзья и соседи, сегодня на нас опустилась тяжёлая длань* судьбы... не в самом плохом смысле. Кот пришёл в «Сыр»...

Поднялся гам.

– Тише, пожалуйста!

Пип снова подняла над головой кусок чешира. Болтовня стала затихать и сменилась звенящей тишиной.

– Я сказала: «Не в самом плохом смысле». Это означает, что там, где мы должны были ждать вражды, нас ожидает дружба. Где мы вправе были ждать угрозу, нам уготована милость. Этот кот необычный. Этот кот не ест мышей. Он ест... – Пип выдержала паузу для пущего эффекта. – Он ест сыр.

К сожалению, скромные таланты автора не позволяют описать реакцию собравшихся во всей полноте. Представьте, если хотите, Палату Общин, заполненную десятью тысячами миниатюрных членов парламента, и все они пищат в голос, колотят хвостами с тревогой, недоверием, несогласием.

Глава девятая

На чердаке было ещё одно существо. Оно наблюдало за мышами с возраставшим чувством смятения. Кот в «Старом чеширском сыре»?

Глупость.

Хуже, чем глупость.

Катастрофа.

Его здоровый глаз метался туда-сюда, стараясь в хаосе разобрать что-то сквозь узкую щель в штукатурке. Его незрячий глаз моргал и отказывался участвовать в этом.

Старая часть чердака, кусочек, затерянный после перестройки, была его храмом и тюрьмой последние девять утомительных месяцев.

Конечно, ему стоит быть благодарным своим тюремщикам, которые старались обеспечить его хоть каким-нибудь комфортом – свежей соломой и кусочками сала, – но «Старый чеширский сыр» оставался для него, натуры тонко чувствующей, без сомнения, тюрьмой не хуже Ньюгета*.

Сегодня, стоило признать, изолированность его комнаты оказалась преимуществом. Он позволил себе с возраставшим смятением наблюдать и слушать за происходившим по другую сторону тонкой стены. Предложение, выдвинутое на голосование, было крахом, бедой, катастрофой.

Он с трудом сдерживал негодование. Как они могли за-

быть, что безопасность Англии всегда висит на волоске? Если бы они только спросили его совета! Но он знал, почему они не спрашивали. Он должен немедленно пресечь любые разговоры об этой сделке... с котом.

Кот.

Само это слово было ему отвратительно. Это крохотное словцо всегда означало что-то грубое и непременно злое.

Существо многое знало о котах. Оно вздрогнуло от боли в плече, вернее больше от воспоминания, чем от боли. Никогда прежде оно не чувствовало так остро, что необходимо спешно принять какое-то решение.

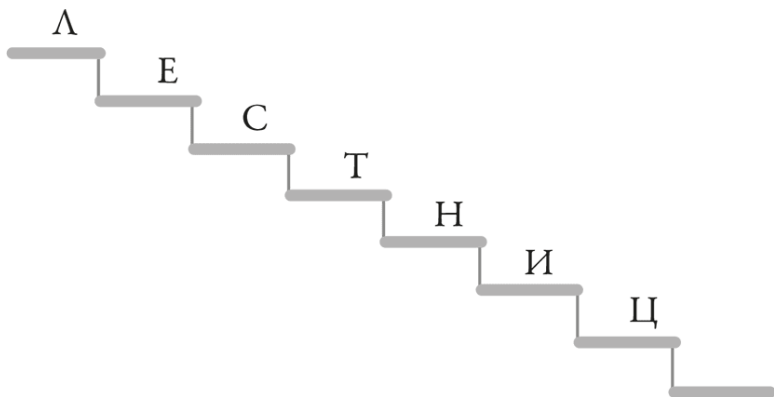
Смятение уступило место более сильному чувству – всеподавляющему чувству долга. Её Величество Королева: она наверняка беспокоится из-за его отсутствия... и всего, что это означает.

Он должен попасть в Тауэр.

Но как?

Глава десятая

«Старый чеширский сыр»! В его стенах Ловкач обнаружил дивный лабиринт

и узких проходов,
ведущих к более крутым лестницам

и наверх

к коридорам, по-настоящему

крутым,

а если нет,

идущим

В

Н

И

З

к ещё более изогнутым,

порочным

ступеням,

в конце

концов

в распадающемся

А в центре всего насадкой сидит повариха Крумс.

Кулинарный тиран, она управляет на кухне железной поварёшкой.

Её медные горшки и кастрюли

пузырятся,

и бурлят,

и кипят,

и пенятся

в непрерывном процессе приготовления супов и вторых блюд.

И через все кирпичи и балки её владений доносится сладостный аромат истории вместе с затхлым запахом прошлогоднего йоркширского пудинга, жаркого из ягнёнка, битков из баранины, стейка и пирога с почками.

Ловкач отыскал кухню.

Но что тут?

Вращающаяся дверь?

Будто обычные двери недостаточно опасны.

Повариха Крумс

Нужно идеально рассчитать время, чтобы проскочить внутрь. Запахи соединялись в соблазнительную смесь пряного и сладкого. И – о, звон и лязг! Для ушей Ловкача они были точно колокольчики, звон которых складывался в весёлую песню о... еде, еде, еде!

Он проскользнул в дверь и спрятался за корзиной с луком, откуда мог обозревать великолепную картину, открывавшуюся перед ним. По всей видимости, он стал свидетелем пьесы, разыгрываемой кулинарным гением.

Огонь на плитах прыгал и трещал, служанки беспрестанно входили и выходили, крутящиеся двери скрипели и трещали, мальчишки-разносчики, загруженные кружками с пенным элем, ныряли, вертелись, суеились, смеялись и кричали друг на друга.

Вскоре голова Ловкача уже раскачивалась в такт этой сложной мелодии. Это была настоящая симфония...

– Что, чёртова кочерыжка, делает этот зверь на моей кухне?

Глава одиннадцатая

Тишина наступила мгновенно – тишина абсолютная.

Даже огонь отпрянул, испуганный грозным голосом, прогромыхавшим – нет, не изо рта, из зияющей пасти, способной проглотить весь флот Англии в один присест.

Ловкач посмеялся бы над курьёзностью этой сцены: в суматохе мальчишка ловит на лету кота, ещё не зная, что сейчас его же ловкость обернётся против него.

Крумс приближалась к мальчику. На её лбу блестели капельки пота.

Ловкач видел её раньше лишь однажды: устрашающих размеров женская фигура, не то круглая, не то квадратная, в ширину примерно такая же, как и в высоту. Её мясистая рука вытянулась вперёд, деревянная ложка указала на Ловкача. Но только на мгновение. Тут же ложка поднялась и треснула мальчишку по самой макушке.

– А ну-ка вышвырни этого ловца блох прочь отсюда!

Мальчишка уронил кота и попытался поймать, но тщетно.

– Кот, – рычала женщина. – Быстро...

Вдруг её перебила кастрюля, заклокотавшая, зашипевшая на плите за спиной.

– О, черти! – завопила она. – Моё фрикасе*!

Чары разрушились. Кухонный танец закрутился вновь. Повариха сосредоточилась на спасении соуса. И, пока она

была занята этим делом, связка ключей, привязанная к её переднику, упала и отлетела в другую часть кухни.

Ключи, звеня, оказались рядом с лапами Ловкача. Самым заметным из них был латунный. Крупнее остальных и более старый, он тускло блестел.

Какая удача! Ловкач догадался, какой замок отпирается этим ключом. Вот удивится Пип! Но он, конечно, не стремится впечатлить мышь, нет.

– Ах! Угольные поджарки!

Ловкач оглянулся. Повариха сердито смотрела на ложку с соусом, который только что попробовала.

– Уродство! Выливайте его! Начинайте заново, тупицы!

Пока Крумс забыла о нём, Ловкач обнюхивал связку ключей. Он подтолкнул её носом и схватил зубами. Крадущейся походкой, на какую только способен кот, он повернул к двери, но вынужден был притормозить: ключи, раскачиваясь, звенели. В это самое мгновение душераздирающий крик раздался над головами и горшками:

– Мои ключи!

Никогда прежде на кухне не было такого балагана: мальчишки и судомойки отпрыгивали, отскакивали, бросались в стороны. Тяжёлая поступь поварихи сотрясала кухню.

Пока Крумс приближалась, Ловкача пронзила догадка. Вместо того чтобы скрываться, он ринулся напрямик в центр кухни, не поднимая глаз на кипящую от злости повариху. Несчастный мальчик-разносчик, которого она оттолк-

нула, схватил её за рукав и показал на кота одной рукой, другой защищая свою голову.

Взгляд, брошенный дамой на Ловкача, остановил бы самого чёрта, но Ловкач благополучно продолжал движение. Все взгляды были прикованы к нему, когда кот положил ключи прямо к носкам громадных ботинок. Яростная гримаса на красном лице сменилась чем-то ещё более пугающим. Было бы преступлением назвать это улыбкой. Однако это была именно она.

Люди не придумали более точного слова, чтобы описать это выражение лица: широко растянутые губы, пятнистые зубы, пухлые щёки, похожие на два перезрелых граната.

– Ты принёс мне ключи, да? – заворковала Крумс. Её напев, сладкий, как патока*, был ещё более странным, чем улыбка.

Она наклонилась, чтобы поднять ключи, потрепала Ловкача за подбородок.

– Какой славный котик, – сказала она.

Затем она наклонилась ближе и глубоко вздохнула. Странно посмотрев на него, она прошептала как будто с покорностью:

– А ты странный парень. Ладно. Держу пари, мышей здесь хватит для нас обоих.

Легонько шлёпнув его по голове (так, что он растянулся на каменных плитах), она подняла ключи. Ткнув пальцем в воздух, она произнесла:

– Учитесь послушанию у этого хвостатого, бездельники!

Ловкач задрал подбородок и гордо прошествовал из кухни. Он точно подгадал, когда дверь повернётся. При этом Ловкач едва держался на лапах от страха. Успокоившись, он твёрдо решил в дальнейшем избегать Крумс.

Глава двенадцатая

Наступила полночь.

Ловкач прошёл мимо всё ещё работающей кухни и начал спускаться по тёмным ступеням. Чем ближе он был к сводчатому погребу, тем сильнее чувствовал специфический, сырой запах старых кирпичей, дерева и пыли. На нижнюю часть лестницы падал отсвет ламп, висящих в зале. Ловкач вошёл в помещение с арочным потолком. Кладка казалась очень старой.

Так вот она какая, самая старая часть паба! Всюду стояли бочки с вином, соленьями, мешки с зерном. И среди всего этого добра – тяжёлая пористая дверь, сколоченная ещё в прошлом столетии. Там-то, за этой дверью, наверное, Крумс и хранит свой знаменитый сыр.

Ловкача охватила дрожь.

Двери.

Он присел в углу и стал ждать. Кот явился за полчаса до назначенного времени.

Откуда он знал, что сейчас половина двенадцатого? На самом деле все умные создания (за исключением разве что рассеянных людей) обладают безошибочным чувством времени. Им не нужна римская нумерация на глянцевых циферблатах часов или тень солнечных стрелок – никаких отрезков часа, осколков минут, крупниц секунд, – чтобы узнать о

тайне, сокрытой в них самих.

Чувство времени обычно получают с рождения.

Поэтому Ловкачу не нужно было иметь карманных часов, чтобы понять, что он явился рано. Весь день он боролся со страстным желанием, снедавшим его, – желанием найти сыр. Но теперь минуты тянулись, и кот начал сомневаться, а не сделали ли из него дурака...

– Эй, – пропищал тонкий голосок. Ловкач обернулся. Он был удивлён.

– Ты пришла, – сказал он.

– Разумеется, я пришла. Ямышь слова.

Ловкач заглянул ей за спину в поисках обещанного сыра. Из-за спины Пип достала ароматную жёлтую крошку. Держа её на ладонях,мышь торжественно протянула крошку коту.

– В соответствии с нашей сделкой, я принесла этот кусок чеширского сыра, – произнесла она.

– А-а-а... у-у-у... э-эм... да... – ответил Ловкач в недоумении.

– Ты выглядишь разочарованным, – заметила Пип.

– Ну... Не совсем, – вздохнув, Ловкач поглядел на крошку. – Как-никак это чеширский сыр.

– Красная его разновидность. Обрати внимание на его золотистый оттенок. И, – добавила Пип с гордостью, – это лучший сыр в Англии.

– Спасибо, – сказал Ловкач. Ему нужно было заново обдумать их соглашение. Конечно, они не ожидали, что он бу-

дет жить...

– Нет, спасибо тебе, – вдруг Пип прервала сама себя и, обернувшись, махнула кому-то лапой. – Эй! Входите!

Кот и мышь ждали. Прошло двадцать секунд. Никто не появлялся. Пип, как бы извиняясь, взглянула на Ловкача.

– Прости, я на секунду, – сказала она. – Боюсь, что потребуются небольшие переговоры.

Она исчезла в крошечной тьме.

До Ловкача донёсся едва различимый сердитый шёпот:

– Но он всё-таки к-к-кот! – прошипел чей-то голос.

Ещё какое-то время мыши шептались, и наконец Пип появилась снова.

– Прости, пожалуйста, – сказала она. Затем обернулась и обратилась к стоящим в темноте. – Помните: у нас есть соглашение.

Ловкач уставился во тьму, пытаясь понять, кто или что скрывается там.

Затем мышь (гораздо меньше и моложе Пип) вышла из темноты. В лапках она держала кусок сыра размером с горошину. Для такого маленького существа это была солидная ноша. Она положила на пол своё приношение, замерла и уставилась на кота, чуть не падая от страха. Пересилив себя, она юркнула за спину Пип как в убежище.

Два кусочка сыра – вполне достаточно, чтобы удовлетворить мышь, но вряд ли этим можно соблазнить кота. А, ладно. Ловкач подумал, не будет ли слишком невежливым

съесть их прямо сейчас (кусочки сыра, не мышей), или лучше оставить эту закуску для...

Но постоит.

К Ловкачу направлялась третья мышь – скрипучий старик с рваными ушами. Его пушистые усы свисали с подбородка, как борода. При каждом шаге он помогал себе выдавшей вид деревянной палочкой. Он бросил на пол третий кусок сыра, затем палочкой подтолкнул его к Ловкачу. Склонив голову в сторону, он поднял вверх хвост в знак доверия Пип.

Ещё две мыши показались из темноты, за ними последовали три, четыре, пять – и каждая с приношением в лапах. Вскоре из темноты вытянулась ровная колонна мышей-сыроносцев, а перед Ловкачом выросла золотая гора чеширского сыра.

Но лента мышей, теперь всё больше любопытствующих, чем несущих что-то, всё тянулась и тянулась. Некоторые грызуны никогда не видели кота живьём. Остальные никогда не подходили к коту так близко, не рискуя быть пойманными. К тому же, сам по себе Ловкач казался им любопытным.

«Это не мне, – думал кот. – Это Пип они доверяют».

– Спасибо, – сказал он Пип. На этот раз он благодарил искренне.

– Это кусается? – спросила самая маленькая мышка.

– Он может укусить, – ответила Пип. – Но только сыр.

– И селёдку иногда, – добавил Ловкач, подмигнув малышке, всё ещё прятавшейся за спиной Пип. – Когда рыбная тор-

говка замечтается.

Старик с палочкой подался вперёд:

– Союз с тобой важен для нас, несмотря на твою дурную наследственность. Прошу только: держись подальше от Малдуина, и будешь...

– Тссс, – зашипели со всех сторон.

Старик с испугом прикрыл рот лапой.

– Кто такой Малдуин? – спросил Ловкач.

Старый чудак направил свою трость на кота.

– Кое-кто, кого тебе следует избегать, – произнёс он.

Пип кивнула:

– Эта информация не является частью нашего соглашения.

– Но как я смогу избегать Малдуина, если...

Вдруг кто-то ущипнул его. Ловкач обернулся. Маленькая мышка, размером не больше лесного ореха, отступив на шаг, сложила лапки, и прочитала нараспев:

Истина эта довольно проста.

Знай: любопытство убьёт и кота.

Ловкач рассмеялся от такой дерзости. Он хохотал, закинув голову назад, а, насмеявшись вдоволь, приблизил свой нос к носу мышки и произнёс:

– Но любопытный ответы найдёт. Так возродится кот.

В ответ мышка завизжала. К ужасу Ловкача, она прыгнула на его морду, обхватила, как могла, лапками и поцеловала в кончик носа.

– Та! – её отец, изрядно волнуясь, подскочил к ним. Он был так же обескуражен поступком дочери, как и кот.

Он попытался спустить её на пол, но она, повернув голову, пропищала:

– О, папа, Той нравится этот кот. Он пахнет, как мы.

– Той? – Ловкач вопросительно взглянул на Пип.

– Та, – ответила мышь с усмешкой. – Это её имя. Та слишком громкая, слишком любопытная, слишком импульсивная. Если кто-то может быть слишком в чём-то, то это Та.

Мыши неодобрительно зашептались и захихикали.

Смущённый отец Той пожал плечами и усадил её на закорки. Обхватив папину шею, она упёрлась подбородком в его затылок и улыбнулась Ловкачу.

Глава тринадцатая

Рай на земле. Вот что это было.

Идеальный сыр. С тонким вкусом, в меру пряный, в меру гладкий и твёрдый.

Да, бесспорно: это и вправду лучший сыр в Лондоне.

Уж это Ловкач знал наверняка. Ведь он был рождён у печи на кухне рабочего дома. Его первыми детскими воспоминаниями были творог, сыворотка и сыр. Он таскал сыр у каждого молочника и зеленщика с тех пор, как его вышвырнули на улицу.

Нет. Он не будет сейчас об этом думать.

Каждая крошка лежала на его языке до тех пор, пока ей на смену не приходила другая. Гора уменьшалась, а его восхищение росло.

Пип зачарованно наблюдала за ним.

– Превосходно, не правда ли? – спросила она.

– Ммм, – Ловкач вспомнил слово, которое услышал однажды от одной милой дамы, когда пробежал под окном шляпного магазинчика. Объектом её восхищения была шляпа в перьях и лентах.

Пип, если когда и считала, что уличные коты не способны красиво выражаться, могла теперь убедиться в обратном.

– Боу-у-у-уженственно, – протянул Ловкач, закатив глаза.

– Божественно. Прекрасное слово, – сказала Пип. – Видишь, ты тоже знаешь замечательные слова.

Ловкач вспомнил господина, сопровождавшего милую леди. *«Что он ответил ей, увидев илляпу? Там было какое-то более сильное слово. Ах, да».*

– Неисуразно, – громко проговорил он.

– Понимаю и согласна, – засмеялась Пип. – Несуразный сыр, в самом деле.

– Не хочешь кусочек? – предложил Ловкач.

– Нет, нет. Ну разве что крошечку. Но я не считаю себя вправе. Он всё-таки твой.

Наступил исторический момент: кот и мышь объединила любовь к сыру. И хотя эта ситуация казалась странной им обоим, хотя Ловкач и Пип поглядывали друг на друга украдкой, тем не менее всё это происходило на самом деле.

И, без сомнений, это событие достойно упоминания.

Глава четырнадцатая

Ночью буфетчица Адель положила под барную стойку диванную подушку в цветочек – для Ловкача. Увидев её, Генри усмехнулся:

– Он уличный кот, ему ни к чему такая чепуха.

– А вот и к чему, – ответила Адель, откинув с лица прядь волос. – Я точно знаю. Всё что угодно, только избавиться от этих вредителей. Так что буду давать ему всё, что надо.

Заинтересованный в том, чтобы заслужить благосклонность Генри, Ловкач взглянул на подушку и, вздохнув, презрительно покривился. Вместо неё он отправился в холодный угол, где и устроился на ночлег.

– Видала? – сказал Генри. – Нормальный кот, не неженка.

Но когда паб закрылся и последний посетитель был отправлен за дверь, а все лампы в зале погашены, когда Адель пожелала коту доброй ночи, а хозяин поднялся в свою квартиру наверху, Ловкач покинул унылый угол, перебрался на мягкую подушку и устроился поудобнее.

Прекрасное место. Тёплая постель – как раз то, что нужно, когда твой живот набит до отвала.

Ловкач провалился в сон с ошеломляющей быстротой. Он уже закрыл глаза и увидел первые сладостные образы – такие прекрасные, каких не видел никогда прежде, – как вдруг где-то наверху раздался грохот.

Кот пересилил себя и открыл глаза.

– Эти мыши, что, никогда не спят? – пробурчал он.

Он перевернулся на спину и успел разве что вздохнуть, когда послышался глухой удар, следом – стук. И будто бы приглушённый треск. Судя по звукам, их издавало что-то большее, чем новоиспечённые союзники Ловкача. И, кажется, они доносились с самого верху, с чердака.

«Крысы», – предположил он.

И тут же странный, нечеловеческий крик донёсся до ушей Ловкача. Подпрыгнув, он добежал до середины пролёта, идущего наверх, когда здравый смысл остановил его.

«Не будь дураком, – говорил он ему. – Возвращайся в постель. Завтра ты...»

Ещё один истошный вопль.

И падение.

Он рванул вверх по ступеням, не желая лежать на подушке и гадать, что за ужасное создание бродит по верхним этажам паба.

Добежав до чердака, кот остановился и вздрогнул, увидев силуэт человека в тёмном углу. Он скользнул за коробку со шляпами, жалея о том, что не остался в постели. Он принюхался, но различил только запахи мышей, пыли и чего-то, что не смог распознать – не мышиного, не кошачьего и не человеческого. Чего-то гнилого... Что же это могло быть?

Его хвост дрожал от страха. Человеческая тень в углу не шевелилась. Разглядев в ней женские черты, Ловкач был по-

трясён собственным предположением.

Тут по стене, у которой сидел Ловкач, громко застучали. Он выскочил из укрытия, преодолел несколько пролётов с прыткостью, которой сам от себя не ожидал, и обнаружил себя под подушкой в цветочек. Он провёл так следующие несколько часов, успокаиваясь только от равномерного *тук-тук, тук-тук* кошачьего сердца.

* * *

В конце концов сон всё-таки пришёл к Ловкачу. Крепкий сон, не прервавшийся ни с восходом солнца, ни с тихим шелестом где-то наверху, возвещавшем о скором приходе людей.

Очнулся он, только когда Генри вошёл в обеденную залу, ещё одетый в ночную рубашку и наполовину застёгнутый халат. Ловкач поглубже зарылся под тёплую подушку. Оттуда ему было слышно бормотание трактирщика:

– Тёмные силы! Почему именно мой паб? Почему не «Старый колокол»? Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. А ты как, кот? Спишь? Что ж, отдыхай. Сегодня подходящий день для мышинной охоты.

Ловкач не двинулся с места. Он не пошевелился, даже когда Адель положила перед ним его завтрак – аппетитный ломтик бекона. Он продолжал спать, хоть и некрепко, когда доставляли продукты.

Только когда ему стали сниться ужасы с костями и черепами, Ловкач проснулся, встречая новый день.

Генри

Глава пятнадцатая

– Что стряслось, раззява? – громогласная Крумс вошла в обеденный зал.

От неожиданности Адель вскрикнула. Перед поварихой стояла небольшая кадка, в которой она месила тесто. Крумс была не в самом благостном настроении. Увидев Ловкача, она топнула ногой, и он решил не искушать судьбу и скрылся под одним из стульев.

Крумс ждала ответа и в упор глядела на буфетчицу. Та была – растрёпанные волосы, бледный цвет лица – олицетворением ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.